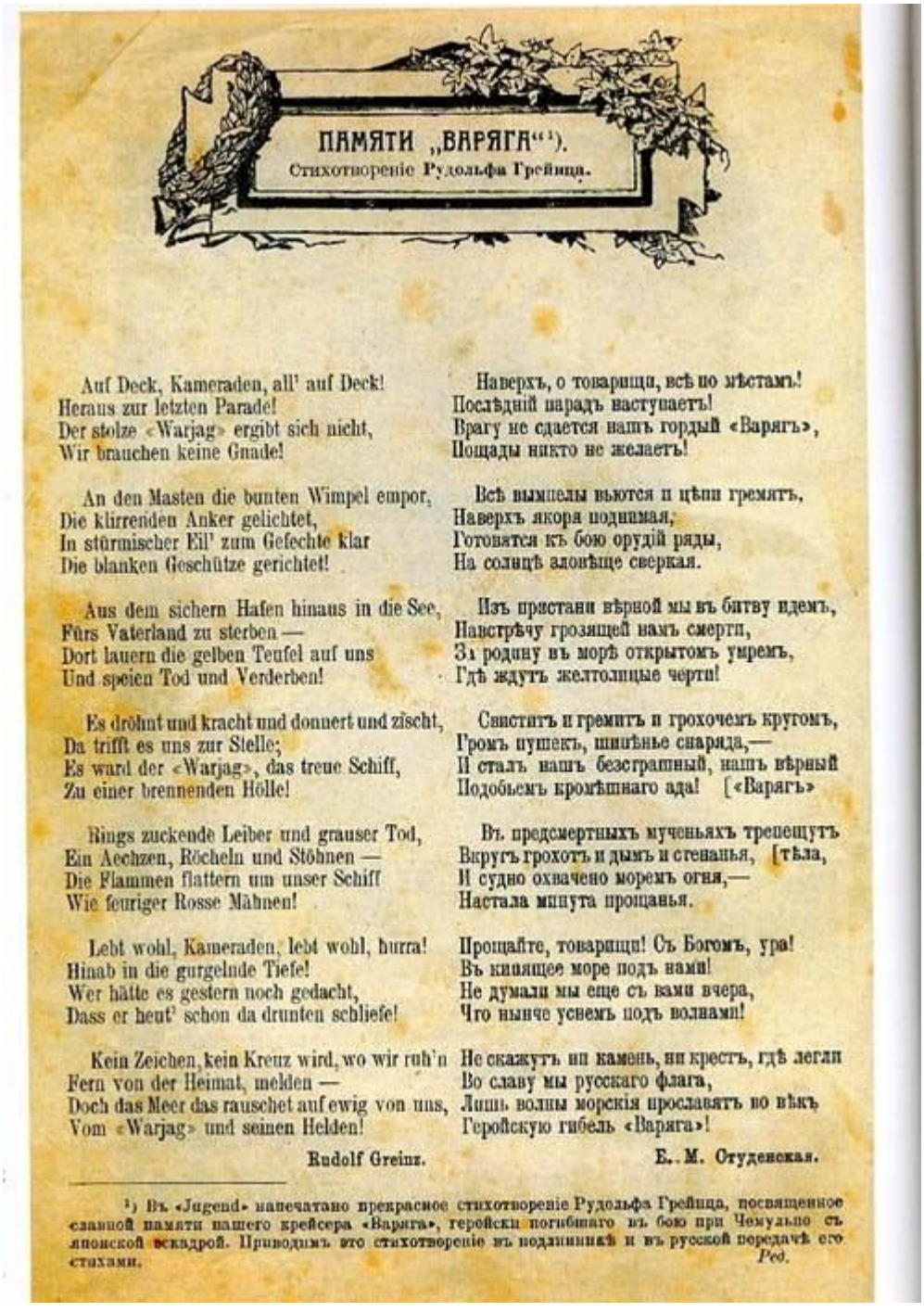
Необыкновенная девочка

Рассказав о бое при Чемульпо, о вычеркнутых из Русской истории врагами героях его: командире «Корейца» Г.П.Беляеве (http://www.zrd.spb.ru/letter/2014/letter_0013.htm) и ст.артиллеристе «Варяга» С.В.Зарубаеве (http://www.zrd.spb.ru/letter/2016/letter_0013.htm), - мы завершим цикл, повестью о том (вернее, той), кто прославил в веках Подвиг - впечатав его в людскую память, сохранив в тайниках русской души, в годы «Потемкина», «Цирка» и «Свинарки с Пастухом» - когда простое упоминание грозило помянувшему расправой, с обвинением в «контрреволюции», «расизме», «фашизме»…



ПАМЯТИ „ВАРЯГА“[1]).

Стихотвореніе Рудольфа Грейнца.

Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze «Warjag» ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!

An den Masten die bunten Wimpel empor,
Die klirrenden Anker gelichtet,
In stürmischer Eil' zum Gefechte klar
Die blanken Geschütze gerichtet!

Aus dem sichern Hafen hinaus in die See,
Fürs Vaterland zu sterben —
Dort lauern die gelben Teufel auf uns
Und speien Tod und Verderben!

Es dröhnt und kracht und donnert und zischt,
Da trifft es uns zur Stelle;
Es ward der «Warjag», das treue Schiff,
Zu einer brennenden Hölle!

Rings zuckende Leiber und grauser Tod,
Ein Aechzen, Röcheln und Stöhnen —
Die Flammen flattern um unser Schiff
Wie feuriger Rosse Mähnen!

Lebt wohl, Kameraden, lebt wohl, hurra!
Hinab in die gurgelnde Tiefe!
Wer hätte es gestern noch gedacht,
Dass er heut' schon da drunten schliefe!

Kein Zeichen, kein Kreuz wird, wo wir ruh'n
Fern von der Heimat, melden —
Doch das Meer das rauschet auf ewig von uns,
Vom «Warjag» und seinen Helden!

Rudolf Greinz.

Наверхъ, о товарищи, всѣ по мѣстамъ!
Послѣдній парадъ наступаетъ!
Врагу не сдается нашъ гордый «Варягъ»,
Пощады никто не желаетъ!

Всѣ вымпелы вьются и цѣпи гремятъ,
Наверхъ якоря поднимая;
Готовятся къ бою орудій ряды,
На солнцѣ зловѣще сверкая.

Изъ пристани вѣрной мы въ битву идемъ,
Навстрѣчу грозящей намъ смерти,
За родину въ морѣ открытомъ умремъ,
Гдѣ ждутъ желтолицые черти!

Свистятъ и гремятъ и грохочетъ кругомъ,
Громъ пушекъ, шипѣнье снаряда,—
И сталъ нашъ безстрашный, нашъ вѣрный
Подобьемъ кромѣшнаго ада! [«Варягъ»

Въ предсмертныхъ мученьяхъ трепещутъ [тѣла,
Вкругъ грохотъ и дымъ и стенанья,
И судно охвачено моремъ огня,—
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! Съ Богомъ, ура!
Въ кипящее море подъ нами!
Не думали мы еще съ вами вчера,
Что нынче всѣмъ подъ волнами!

Не скажутъ ни камень, ни крестъ, гдѣ легли
Во славу мы русскаго флага,
Лишь волны морскія прославятъ во вѣкъ
Геройскую гибель «Варяга»!

Е. М. Студенская.

[1]) Въ «Jugend» напечатано прекрасное стихотвореніе Рудольфа Грейнца, посвященное славной памяти нашего крейсера «Варяга», геройски погибшаго въ бою при Чемульпо съ японской эскадрой. Приводимъ это стихотвореніе въ подлинникѣ и въ русской передачѣ его стихами.
Ред.

В феврале т.г. мюнхенский художественный журнал «Юность» печатает стихотворение тирольского поэта Грейнца (1866-1942) «Дер «Варяг». Оно привлекло внимание в России, и тою же весной являются его разнообразные переводы. Общеизвестен, однако, сделался лишь один, опубликованный 31.03.1904, названный поэтом-переводчиком «Памяти «Варяга», - своим простым и чеканным, героическим маршевым ритмом сразу заинтересовав многочисленных композиторов: А.Б.Виленскую, И.Н.Яковлева, И.М.Корносевича, А.Б.Турищева и др..

…Писательское, журналистское и научное наследие, оставшееся от недолгой жизни её - выдающейся представительницы Русского и – шире, - Европейского Модерна, огромно. Но фигура петербургского филолога, историка и литератора – «переводчицы» европейской, Белой

Культуры на русский язык(многими доныне спутываемый с церковнославянским…) и, собственно, великой поэтессы - ярким метеором осветившей рубеж веков, была глухо затенена представительницами советской придворной политической богемы: Ольгой Бергольц и Анной Ахматовой (вне СССР они полагались лишь сожительницами литературных политкомиссаров, - почему, неизменно, и отклонялись представления Ахматовой к Нобелевской премии…). Как горящая звезда холодной Луной, блещущей отражаемым светом…

Мне даже не удалось найти фотографий Е.М.Студенской! В забывчивой русской общественной памяти отложился единственный опус её - созданный одним из последних, незадолго до кончины, и подаренный России, охраняя память создательницы.

1.Благословение Н.С.Лескова

"*Я уже очень давно примечал эту необыкновенную девочку в Шмецке <1891 г.> и все думал: «Эта что-то разведет в уме!» Вот она и разводит: где себя ни покажет, — все у нее отмечено умом и прямым, здоровым, смелым чувством, которому противно плестись рутинной стежкой. Она меня сильно обрадовала, как я давно, давно не был рад…*" - сказал о ней Н.С.Лесков.

Евгения Михайловна Шершевская родилась в С-Петербурге 07.12.1874 года. Мать: Ольга Алексеевна (+ 22.09.1899), дочь секретаря Общества русских врачей, действ.статского советника А.Н.Пушкарева. Отец: Михаил Маркович Шершевский (27.06.1846 – 06.02.1910), из мещан Виленской губернии, выпускник Военно-Медицинской академии (выпуск 1871, диссертация 1873), дейст.стат.советник, лейб-медик двора Е.И.В.. Жил по адресу: Сергиевская, 57; погребен 09.02.1910 на Смоленском кладбище, среди провожавших были И.П.Павлов, Г.И.Турнер, А.Ф.Кони. Некролог из журнала «Нива», говоря о покойном как о «*знаменитом диагносте и выдающемся терапевте*», писал, что тот: "*…никогда не был чужд и иным интересам и явлениям общественной жизни. Он любил и прекрасно знал изящную литературу и был всесторонне образованным человеком. По своим общественным взглядам он был типичным шестидесятником, являя в себе все лучшие качества людей этой эпохи: любовь к знанию, просвещенную гуманность и веру в человечество*" [статья Г.Г.Таракановского, «Кортик», вып. 3-й, 2004 (далее - Таракановский, 2004)].

Справочник Толстиковича «Русские врачи» об М.М.Шершевском сообщает: «…из *мещан-евреев, родился в начале 1847 года*» [http://www.proza.ru/avtor/tolsticovich]. А где родился?? Шершевский – фамилия, польская по звучанию, русско-еврейский род, получавший документы для паспортного контроля, существовавшего в Российской Империи, был бы Шерешевскими. В чем здесь принципиальная загвоздка? Обладатель классного чина о предстоящей женитьбе д.б. рапортовать начальнику, будучи же моложе 27 лет, даже в нач. XX века (зри роман А.Степанова «Порт-Артур»), не имел права жениться без санкции начальства и накопления немалого денежного обеспечения (до 23 лет не имел права вообще!). Пушкаревы – не последняя фамилия в Российской империи, и выйти за безвестного адъюнкта из евреев, дворянская девица в принципе едва ль смогла б, без скандала, перечеркивавшего русскую карьеру. Шершевский сделал блестящую карьеру! Думаю, бытописатель русской дворцовой медицины, А.Н.Толстикович прекрасно понимал эти неувязочки.

Однако, израильские сайты охотно числят фамилию М.М.Шершевского еврейской, считая Михаила и Максима (1859-1942) Марковичей ветвью рода Шерешевских: потомков Шмереля из ШерешЁва (Брестская губерния), жившего в XVIII веке. Правда, справочник по еврейским генеалогиям www.jewage.org - никого среди его потомков, способного отождествиться с гипотетическим «выкрестом Марком», родившимся, словно из воздуха, проследить не позволяет. Был, правда, внук Шмереля – Моше(т.е. Михаил) Шерешевский, но он умер в 1845 году [http://www.jewage.org/wiki/ru/Profile:P0849976899]. Тот же Марк Шерешевский, что был похоронен в XX веке в Москве на Востряковском кладбище, родится через два года ПОСЛЕ смерти Михаила Марковича.

Напротив, известен старший родственник и коллега отца Евгении [«101 поэтесса серебряного века», СПб., 2000] - тоже выпускник ВМА из мещан, армейский врач, внесенный в словарь Максимилиан Григорьевич Шершевский (1843-1873) [РБС, т. 23, с.233], к евреям не причисляемый. Это и невозможно: известный www.jewage.org Григорий (Гирш) Шершевский родится лишь в 1854 г.. Связь Максимилиана с родом М.М.Шершевского очевидна. Подобно Евгении, он скончался в молодости от чахотки, а в 22.10.1903 г. этим - нечастым именем Максимилиан, Евгенией будет наречен сын. В память родственника…

Сама фамилия топонимическая, она обычна в Вел.Кн.Литовском. Но еврейский родословный сайт не может назвать родителей «учтенного» им отца Михаила - Марка Шершевского, виленского мещанина(!), а самого его числит проживавшим в Витебске(!). Действительно, не

будь у предков Михаила Марковича проверенной христианской генеалогии, поступить в петербургский военизированный вуз, а тем более, дослужиться до должности императорского лейб-медика, ему было б крайне проблематично. А когда формировался врачебный консилиум для лечения цесаревича Георгия Александровича – к евреям-выкрестам вел.князьями, уже столкнувшимися с этническим лицом революционной интеллигенции, прямо высказывалось недоверие. Но, притом, первым был приглашен М.М.Шершевский [И.Зимин «Врачи Двора Е.И.В…», 2016, прим.1263]. Подлог псевдогенеалогических ресурсов - «пекущих» знаменитых «евреев» (подобных Ч.Чаплину, П.С.Нахимову, Д.И.Менделееву, Н.И.Вавилову…), выдается и молчанием их о детях, якобы, еврейки Е.М.Шершевской: Веронике Студенской и Максимилиане Брауне, - казалось бы - должных унаследовать еврейство по материнской линии?..

Не говорит о еврействе и исключительно теплый, похвальный отзыв о дочери Михаила Марковича, сделанный Н.С.Лесковым (чуждым филосемитизма, а выкрестов не любившим сугубо), в письме к С.Н.Шубинскому в 1894 году.

Дочь медика - оставила нам поэтический намек на свое украинское происхождение. Олегом Монаховым был выявлен прежде неучитывавшийся литературный псевдоним Евгении Студенской: Корней Михайленко, - использовавшийся ею в годы, когда она была замужем, но еще не начала подписываться с мужниной фамилией. Просторечное – не паспортное «Корней», в сочетании с украинской формой родового прозвания, указующей на потомков отселявшихся младших сыновей, говорит об ином происхождении, позволяя понять, почему плебеи - мещане Шершевские не встречали к себе документирующего интереса в дальние годы. Об этом ниже.

2.ПЕРЕВОДЧИЦА

Единственный ребенок в семье, Женя получила прекрасное, видимо домашнее, среднее образование. Альма матер источниками числится историко-филологический ф-т Петербургского университета, что тоже ошибочно: Петербургский ун-т в 1890-х гг. женщин не принимал.

Местом учебы мог быть находящийся неподалеку Александровский ун-т (Гельсингфорс), принимавший абитуриенток. Так объясняется отличное знакомство Студенской с языками и литературой скандинавских стран. Возможно, также, она училась на петербургских Высших Женских курсах, где с 1893 г. преподавал Ф.А.Браун [И.Л.Тихонов "F.A.Braun – professor, dean, vice-rector of Saint-Petersburg University"\ «Клио», №8, 2016, с.78] – известный русский археолог и филолог-скандинавист, декан университетского историко-филологического факультета, ставший 2-м мужем Евгении. Вполне возможно, что за годы политической тьмы, при передаче по «испорченному телефону» известий мало осведомленными составителями словарных справок, «ученица декана» превратилась в «слушательницу факультета»…

Еще студенткой Женя Шершевская печатает переводы зарубежных поэтов и прозаиков: с английского, немецкого, датского, шведского, испанского, французского, итальянского, румынского языков. Первым ее научным руководителем был близкий друг отца - С.Н.Шубинский, создатель «Исторического Вестника». Первая известная публикация: перевод стихотворения Франсуа Коппе в "Вестнике иностранной литературы" (январь 1894), издававшемся Ф.И.Булгаковым (09.04.1852 – 31.03.1908).

Со 2-го № (1897 г.), и до окончания своих литературных трудов, местом работы Евгении делается, основанный Булгаковым "Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки".

Мастер художественного перевода, она знакомит русского читателя с современными европейскими поэтами: А.Пальмеро, С.Руедом, Э.Лунджбергом, Г.Фродингом, Г.Драхманом, Т.Линденом, А.Фогаццаро, М.Валандрэ, Л.Стеккети, Э.Панцаки и др.

После Ольги Чюминой – неудачно, и далеко от оригинала, переложившей "Песни мертвых" (1897) и "Король и певец" (1898), первые русские профессиональные переводы Редьярда Киплинга принадлежат Евгении Студенской: баллада «В карцере» (1899 г.). В 1902 она публикует дальнейшие переводы его цикла «Казарменные баллады», где «…*представлен собирательный образ британского солдата Томми Аткинса. В комментариях к этим стихотворениям русская переводчица полемизирует с английским критиком Чарльзом Ресселем. Как считает Рессель, Киплинг «не любит своих героев, а потому не может и читателю внушить к ним симпатию». Проповедуемое Киплингом в литературе право сильного воспринимается критиком как «евангелие смерти». С точки же зрения Студенской, песни этого сборника «производят смешанное впечатление грубости и сердечной теплоты*" [В.Пичугина, И.Поплавская "Творчество Д.-Р.Киплинга в рецепции русских писателей и критиков…"\ «Вестник Томского государственного университета», 2015, №6, с.137].

Наряду с переводами, ею пишутся исследования о Гете и Беранже, очерки о Гюго и Золя, шотландском поэте Д.Томсоне и итальянском Ф.Кавалотти, о писателе и Норвежском короле Оскаре II, о шведском лирике графе Сноильском, румынской королеве Елизавете Нойвидской, печатавшейся под псевдонимом Кармен Сильва(Лесная Кармен), о немецких и французских поэтессах, художнике Делакруа, о французском театре. Она участвует в создании сборника «Поэты Швеции» [Ю.А.Горбунов «Писательницы России»], в «Историческом Вестнике» ею публикуются биографические очерки о вел.княгине Александре Павловне, о польке княгине Любомирской, погибшей на гильотине в дни Французской революции.

В 1895 г. (неопубликованное генеалогическое древо Н.Г.Чернышевского из его Саратовского музея; по Г.Г.Тараковскому - в 1897) Женя выходит замуж за анатома Александра Студенского (1870-1903) – сына секретаря Н.Г.Чернышевского и его дальнего родственника Алексея Осиповича Студенского [http://www.proza.ru/2015/05/20/1897]. И с конца 1901 г. - в «Новом журнале…» начинают публиковаться её статьи за подписью Евгения Студенская.

Чем вызвано было её самоотверженное решение, неизвестно (быть может, внеплановой беременностью?). Студенский болел чахоткой, тогда неизлечимой, мужниной фамилией подруга начинает подписываться лишь незадолго до его кончины. Но в первый же год супружества Евгения делается матерью Вероники Студенской [там же], а в год смерти мужа - Максимилиана Студенского (в 1912 усыновлен Ф.А.Брауном) [http://www.kmay.ru/search_alf.phtml?n=a2&s=1856&f=1918&start=2].

В 1898 году супруги совершили путешествие по Европе. В Париже они селятся в знаменитом Латинском квартале. Здесь Студенская слушает лекции в одном из парижских коллежей, работает с французскими и английскими газетами для редактора «Нов.журнала…», трудится в Библиотеке Св.Женевьевы, изучая древности французской литературы [Тараковский, 2004].

Евгения была чужда пиетета пред эллинской и иудейской Античностью - традиционного для «постхристианской», декадентствовавшей интеллигенции Российской империи, отдавая предпочтение Средневековью, преемственно связанному в ее глазах с Новейшим Временем. Современные писатели, переводившиеся ей, предвозвещали великое будущее Белого Человечества – тогда казавшееся очевидным, проопределенным именно эстетически, блестящим выплеском европейской культуры, - но похороненное постмодернистскими идеологиями «пролетарского» интернационализма, Попперовщины, мультикультурализма и толерантности - высыпавшимися на Цивилизацию из антихристианского мусорного мешка 1917 года. Ветхозаветное сознание - чей архетип был реанимирован революцией Маркса, Ленина, Грамши, Мюнценберга, Пол Пота, чуждо эстетического приятия Міра!

Мекка цивилизации не произвела впечатления на путешественницу, 23.03, перед отъездом, она пишет Шубинскому: "*…Покинуть Париж теперь не жаль: он как-то истощился после минувшего треволнения <фельетона Э.Золя «Я обвиняю» и связанной с ним кампании газетного террора> и стал так пуст и бессодержателен, как его газеты. Ничего живого, ничего нового, какая-то подавляющая пустота…*". От поездки на Апеннины она также (письмо 24.05) не была в восторге: "*…Италия меня разочаровала, вероятно, потому, что классический мир всегда был мне как-то чужд и не возбуждал сердечного интереса. Рим поэтому вовсе не произвел на меня грандиозного впечатления, а Ватикан (за исключением известного шедевра) прямо поразил меня своей относительной пустотой. Зато Неаполитанский музей великолепен, т.е. мне нравится, что там общий уровень скульптуры гораздо выше. Но помпейские фрески я вполне поняла и оценила только в Помпее, хотя сама она произвела на меня тяжелое впечатление "мертвого города": даже как-то дышишь свободнее, выходя из ее ворот. …Безусловно, оправдала мои ожидания только Флоренция и ее Уффиций. Быть может, город этот мне особенно дорог из-за Данте, но мне кажется, что здесь как-то особенно ярко отразился Средневековый дух, т.е. именно типичного Средневековья - XIII-XIV веков. …Но вот, действительно, про Италию - можно смело сказать, что она живет лишь своим прошлым. Это, конечно, очень интересно для истории, но вряд ли хорошо для страны. Тяжело думать, что чуть ли не целый край живет воспоминаниями, и это в наше-то горячее время*" [там же].

3.Вот тебе, бабушка, и `Gусский ми`g…

До 1901 г. Евгения продолжает печататься под девичьей фамилией, ее сокращением, а также под инициалами: Шер-я, Е.М. (Евгения Михайлова), Е.М.Ш. [там же].

Сотрудником Государственной Публичной Исторической библиотеки О.Н.Монаховым при сплошном просмотре подшивок «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки» - росписи авторов и опубликованных ими материалов, был открыт еще один литературный псевдоним Евгении Студенской, появляющийся в эти годы (1899-1902), когда она перестала

использовать девичье фамильное прозвище, подчеркнуто мужицкий: Корней Михайленко (не Михайлов!) [http://www.vekperevoda.com/index1.htm].

Просторечная – не церковная форма искусственного имени, звуча родительным падежом множ.числа нарицательного Корень, и фамильный суффикс, - наряду с соблюденной в 1903 традицией христианского именования в мужском потомстве на одинаковую литеру «М», - указуют на украинские корни замужней поэтессы, рода Михайленко.

Жизнь в замужестве, на которую обрекла она себя личным выбором, была недолгая. В 1903 г. Е.М.Студенская, ухаживая за смертельно больным А.А.Студенским заразившаяся чахоткой, и уже серьезно болевшая сама, овдовела.

Был, видимо, в этой женщине немалый магнетизм (просвечивающий в её энергичных и математически-четких переводах) - ибо отбыв годичный траур, 30-летняя, с двумя малолетними детьми и уже смертельно больная, прекратившая литературные труды, она выходит замуж вторично: за ученика акад.А.Н.Веселовского, декана историко-филологического ф-та, с 1906 проректора Федора Александровича Брауна (1862-1942). Последним Парадом - последней публикацией Евгении Михайловны Браун стал сонет Э.Виччи «Досада» («Новый журнал…», №8, 1904).

С её уходом, умирает и поэтический отдел журнала, все прошлые годы державшийся её трудами, а с 1908 исчезает и сам журнал, переставший интересовать революционную и богоискательствующую декадентскую Россию…

Болезнь прогрессировала, полугодичное лечение на водах в Германии в 1905 году не дало результатов, и 17.05.1906, в доме №30 по Стессельской улице Царского Села, поэтессы не стало.

Осиротевший сын Е.М. и А.А.Студенских - Максимилиан, после кончины в 1910 г. Михаила Шершевского - деда с материнской стороны, был Ф.А.Брауном усыновлен, получив его отчество и фамилию. Безучастность брата Михаила - Максима Шершевского, названного www.jewage.org, подтверждает гипотезу, что Марк, отец Михаила, и Марк, отец Максима Шершевских - это разные люди.

Эмигрировав с Федором Александровичем – состоявшим в кадетской партии и не питавшим иллюзий относительно своей судьбы в СССР - в 1920-х в Германию, Максимильян стал литературоведом-русистом, скончавшись в 1984 г…

Роман Жданович

I
"Ян, пора на ловлю собираться,
Уж и так-то рыба не клюет;
Ведь не дома ж нынче оставаться?
Хоть сочельник, а нужда не ждет!
Мальши, молитесь-ка усердно,
Чтобы ловля выдалась легка,
И на утро принесет наверно
Вам Христос четыре башмачка".

II
"Ишь, как ветер здорово крепчает.
И как на смех, рыбы никакой!
Коль уж очень сильно закачает,
Так придется воротить домой».
- Дочка, слушай, как бушует море;
Ветер воет и стучится в дверь.
- Да уж, буря поднялась на горе,
Не поймать им ничего теперь.

III
"Ян, бери-ка рифы поскорее,
Шкот и румпель я сдержу рукой.
Фал отдай. Ну, выбирай, живее!
Все же глупо плыть ни с чем домой!"
- Мама, слышь, как непогода злится!

Что-то с ними делается там?
– Им, Жанетта, некогда молиться,
Как вот тем, чье пенье слышно нам.

IV
"Вот-те раз! Уж мачту расщепило.
Снасти прочь!.. Что можешь, убирай!
А теперь прихватим-ка, что силы!
Я гребу, а ты не отставай".
– Отошла заутреня; трезвонят.
Дочка, слышишь заунывный бой?
Словно что нам близкое хоронят,
И одни остались мы с тобой.

V
"На маяк уносит нас теченье,
На гряду подводных, острых скал…
Эх, сыночек, видно нет спасенья,
Видно час последний наш настал!"
– О, услышь, Заступница святая,
Всех Тебя молящих рыбаков,
Усмири Ты бурю, Всеблагая,
Нас пугает этот страшный рев!

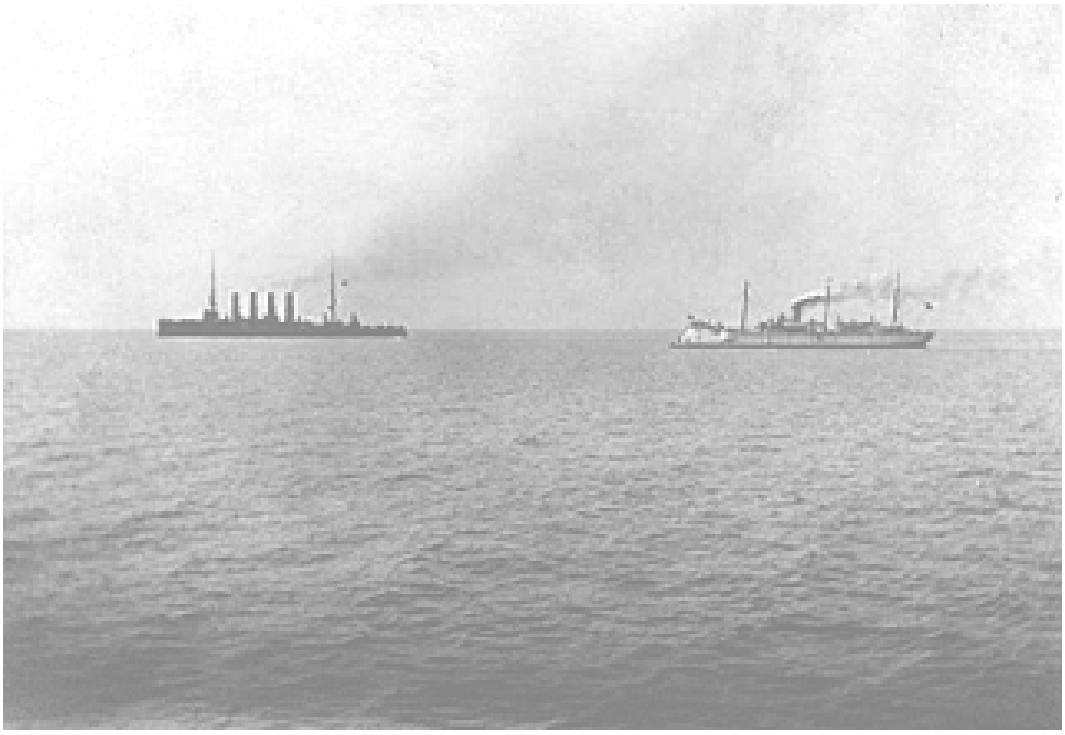
VI
"В боте течь!.. Проклятье! Острый камень
Все лицо мне до крови разбил!"
"Эй, отец!"
"Иду, держися, парень,
Тут маяк нас лучше осветил…"
…….
…….
…….
– Что случилось, отчего с рассветом,
Кум Керсак, сегодня вы пришли?
Что с собой в мешке несете этом?
К нам его зачем вы принесли?

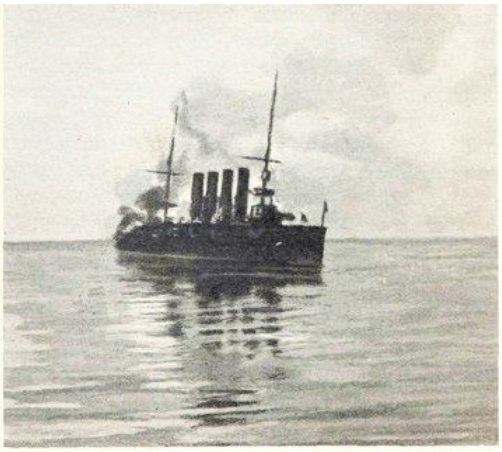
VII
– Здесь четыре башмака несу я.
– Эка, право, жалостные вы!
– Их сегодня выбросила буря
На песок с обломками кормы…

(Ян Нибор «Рождественский подарок», пер. Е.М.Студенской)

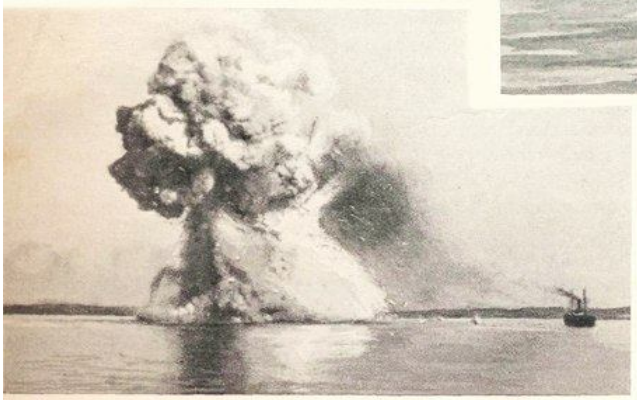
P.Scr. В статье «Лейтенант, выводивший канонерки…», опубликованной в «Минутах Века» №10, 2016, к сожалению, при публикации слетел курсив с цитаты из донесения британского каперанга Бейли (6 абзацев до ссылки) и уникальные фотографии, сделанные в Чемульпо 27.01.1904 года, запечатлевшие «Варяг» и «Кореец», анализу которых посвящены главы статьи. Приводим их здесь.

Снимок Р.Данна с борта сев.-американской канонерки «Виксбург». «Варяг» и «Кореец» идут в бой:



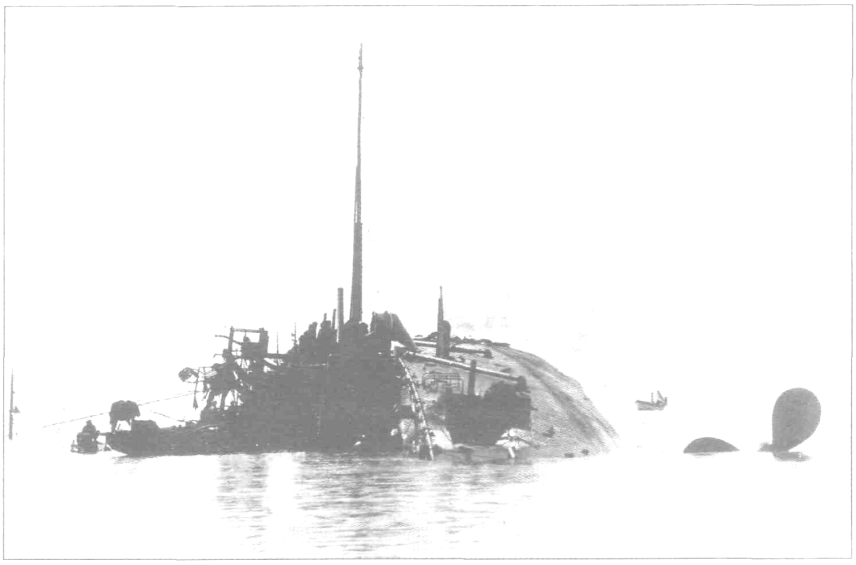


«ВАРЯГЪ» ВЪ ОГНѢ НА ОБРАТНОМЪ ПУТИ ПОСЛѢ БОЯ (СЪ ФОТОГРАФІИ).



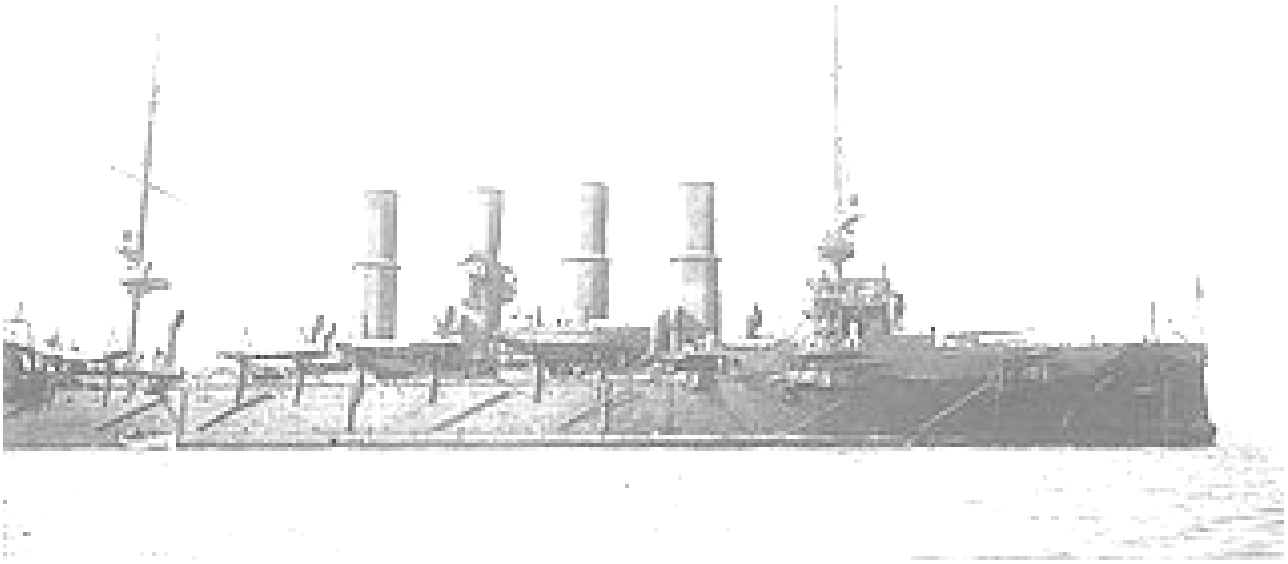
ВЗРЫВЪ «КОРЕЙЦА» ВЪ ЧЕМУЛЬПО (СЪ МОМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФІИ).

Затопленный «Варяг» во время отлива. Для предотвращения столкновения с корпусом корабля японцы вставили в ствол 152-мм орудия № 9 шест с сигналом



«Варяг» левым бортом на грунте, глубокий отлив:

А вот «Варяг» на стоянке после боя, правый борт:



«Варяг» возвращается, вид на горящую по обоим бортам корму:

Снимок пожара с левого борта: